

Давным-давно, когда всё ещё только начиналось, Леопард жил в Высоком Вельде. Да-да, моя радость, это был не какой-нибудь там Равнинный Вельд, или Кустистый Вельд, или Болотистый Вельд, но че-рез-вычайно голый, знойный, раскалённый Высокий Вельд, где только и было что песок, да камни цвета песка, да редкие пучки песочно-жёлтой травы. Конечно, Леопард жил там не один — там жили ещё и Жираф, и Зебра, и Антилопа Канна, и Антилопа Куду, и Коровья Антилопа Бубал, и все они были че-рез-вычайно песочно-желтовато-бурые с головы до пят. Но самым песочно-рыжевато-бурым из всех был Леопард, этакая серовато-рыжая кошка, и он полностью, до самого тонюсенького рыжевато-песочного волоска, сливался с Высоким Вельдом. Надо сказать, это изрядно портило жизнь Жирафу и Зебре и всем прочим, потому что Леопард обожал притаиться в засаде за каким-нибудь че-рез-вычайно желтовато-серо-бурым камнем или кустиком, и стоило Жирафу, или Зебре, или Антилопе Канне, или Антилопе Куду, или Антилопе Бушбок, или Антилопе Бонтбок пробежать мимо, как он выскакивал из засады — и те в ужасе мчались прочь во весь свой прыгучий дух. Да-да, представь себе, моя радость! А ещё в том же Высоком Вельде жил Эфиоп с луком и стрелами. Эфиоп в те далёкие времена тоже был че-рез-вычайно серо-буро-рыжеватым; и вот он жил в Высоком Вельде, и они охотились вместе с Леопардом: Эфиоп со своим луком и стрелами и Леопард со своими че-рез-вычайно острыми зубами и когтями. И охота у них всегда была удачной — такой удачной, что Жираф, и Канна, и Куду, и Квагга, и все иные прочие уже и не знали, куда им бежать, прыгать и скакать. Так оно и было, поверь, моя радость!

Прошло много-много лет — в те времена, моя радость, люди и звери жили долго-предолго, — и Жираф, и Зебра, и Квагга, и Бушбок, и прочие бедолаги научились держаться подальше от всего, что хотя бы чуточку напоминало Леопарда или Эфиопа. И мало-помалу все они вслед за Жирафом — самым длинноногим — ускакали прочь из Высокого Вельда. Они скакали много-много дней и много-много ночей и наконец оказались в огромном лесу, где росло полным-полно деревьев и кустов, так что лес этот был че-рез-вычайно тенистый, и каких только теней в нём не было — и полосатые, и пятнистые, и в крупный горошек, и в мелкий, и даже в крапинку; в этом-то лесу все звери и попрятались. А время всё шло и шло, и когда ты торчишь наполовину на солнце, а наполовину в тени и тень эта падает на тебя то полосками, то пятнышками, — тогда и сам ты

становишься слегка полосатым или пятнистым. Вот так и получилось, что Жираф покрылся пятнами, а Зебра — полосками, а Куду и Канна потемнели: на спинах у них появились серые извилины, точно на древесной коре. И всех их можно было запросто услышать и учуять, а вот увидеть — очень редко, да и то если точно знаешь, куда смотреть. Так что зверям распрекрасно жилось в этом че-рез-вычайно полосато-пятнистом лесу, а Леопард с Эфиопом тем временем носились по своему че-рез-вычайно серо-буро-рыжеватому Высокому Вельду и никак не могли взять в толк, куда же запропастились все их завтраки, обеды и полдниги, не говоря об ужинах. Эти бедняги, Леопард с Эфиопом, так оголодали, что не брезговали даже даманами, крысами и жуками, а потому, ясное дело, у них у обоих ужасно болели животы. И вот когда они совсем уж растерялись и не знали, как быть и что делать, они повстречали Павиана — того самого Бабуина с песьей головой и лающим голосом, Самого Мудрого Зверя Во Всей Южной Африке. Это Павиан, пёсьеголовый Бабуин, Самый Мудрый Зверь во Всей Южной Африке. Я срисовал его со статуи, которую сам придумал, и написал его имя у него на поясе и на плече, и ещё на той штуквине, на которой он сидит. Написал я это имя Таинственными Письменами, и это не коптские, бенгальские, бирманские или древнееврейские буквы, не иероглифы и не клинопись; я так сделал потому, что Павиан такой ужасно мудрый. Не красивый, нет, но мудрый ужасно; и я бы с удовольствием

раскрасил его красками из большой коробки, только мне не разрешают. А вот это вот у него на голове, вроде зонтика, — это Условное Изображение Гривы. И спросил Леопард Павиана (а денёк, замечу, выдался донельзя жаркий):

— Не знаешь, куда подевалась вся наша дичь?

И Павиан опустил веки. Он знал.

И спросил Эфиоп Павиана:

— Ведомо ли тебе нынешнее местонахождение аборигенной Фауны?

(Вообще-то он спросил то же самое, что и Леопард. Просто Эфиоп любил длинные слова. Он же был взрослый.)

И Павиан опустил веки. Ему было ведомо.

И сказал Павиан:

— Дичи свойственно линять; и я советую тебе, Леопард, последовать её примеру, и чем быстрее, тем лучше.

И сказал Эфиоп:

— Это всё, конечно, весьма любопытно, но я всё же хотел бы выяснить, в каком направлении

мигрировала аборигенная Фауна?

И сказал Павиан:

— Аборигенная Фауна слилась с аборигенной Флорой, ибо настало время перемен; и я советую тебе, Эфиоп, тоже измениться, да поскорее.

Всё это че-рез-вычайно озадачило Леопарда и Эфиопа, и они отправились на поиски аборигенной Флоры. Они шли много-много дней и много-много ночей и наконец увидели огромный лес с высоченными деревьями, и лес этот был че-рез-вычайно тенист: весь он был испещрён, изрисован, исполосован, исчёркан и исчиркан, усыпан и обсыпан, расчерчен и размечен, изрезан и измазан, размалёван и заштрихован тенями. (Попробуй сказать это быстро — и ты поймёшь, до чего же он был тенистый, этот лес.)

— Что это такое? — спросил Леопард. — Вот это вот, че-рез-вычайно тёмное, но с кучей светлых пятнышек?

— Не знаю, — отвечал Эфиоп, — но, должно быть, это и есть аборигенная Флора. Я чую Жирафа, слышу Жирафа, но не вижу никакого Жирафа!

— Да, странное дело, — подхватил Леопард. — Наверно, это потому, что нам с тобой всё время было светло-светло, а тут — раз! — и так темно. Я чую Зебру, слышу Зебру, но не вижу никакой Зебры.

— Погоди-ка, — сказал Эфиоп. — Мы же на них давно не охотились. Может, мы просто забыли, как они выглядят?

— Чуть! — фыркнул Леопард. — Прекрасно я помню, как они выглядят. Особенно их мозговые косточки. Жираф — он футов семнадцать в высоту, весь такой желтовато-золотистый с головы до пят; а Зебра ростом фута четыре с половиной, и вся от пят до головы такая рыжеватокоричневатая.

— М-да, — проговорил Эфиоп, обводя взглядом тенисто-пятнистую аборигенную Флору. — На этом тёмном фоне они должны бросаться в глаза, как спелые бананы в коптильне!

Однако не тут-то было. Леопард и Эфиоп охотились весь день, с утра до вечера, и всё время чуяли дичь и слышали дичь, но никакой дичи не видели.

— Прошу тебя, — сказал Леопард, когда день уже клонился к закату, — давай дождёмся темноты. Эта охота при свете дня — просто стыд и срам.

И вот, когда стало темным-темно и только звёздный свет полосками падал сквозь ветки, Леопард услышал какое-то сопение; и он прыгнул в сторону этого сопения и ухватил то, что сопело; и то, что он ухватил, пахло Зеброй, и на ощупь было как Зебра, и когда он повалил это на землю, оно принялось лягаться, как Зебра, — но что это такое было, он совсем-совсем не видел и разглядеть никак не мог.

И сказал Леопард:

— Эй ты, невидимка, замри и не лягайся! Я всё равно не слезу с твоей головы до самого рассвета. А уж тогда-то я разгадаю твой секрет!

Вскоре Леопард услышал хрип, и хруст, и треск, а потом голос Эфиопа:

— Я кого-то поймал, а кого — не знаю! Пахнет, как Жираф, и лягается, как Жираф, только его не видно!

— Похоже, они тут все невидимые, — сказал Леопард. — Не верю я им. И ты не верь. Поймал — вот и сиди у него на голове до утра, как я. А там посмотрим. И они просидели на головах у своей добычи, пока не настало утро, ясное и солнечное. И тогда Леопард сказал:

— Эй, брат Эфиоп, что там у тебя на завтрак?

И ответил Эфиоп, почесав голову:

— Поди пойми. Вроде бы это Жираф — но ведь Жираф должен быть ярко-рыже-жёлтым с головы до пят, а эта живность сплошь покрыта коричневыми пятнами! А что у тебя на завтрак, брат Леопард?

И ответил Леопард, почесав голову:

— Поди пойми. Вроде как Зебра, но ведь Зебра должна быть с головы до пят нежно-серо-бурой, а эта штукавина вся покрыта лилово-чёрными полосками. Что это ты с собой сотворила, Зебра? Ты

разве забыла, что дома, в Высоком Вельде, я тебя за десять миль прекрасно видел? А теперь что? Теперь тебя не разглядеть!

— Вот именно, — отвечала Зебра. — Тут тебе не Высокий Вельд — не видишь, что ли?

— Теперь-то я всё вижу, — сказал Леопард. — А вчера не видел. Как вы это делаете?

— А вы нас отпустите, — сказала Зебра, — и мы вам покажем.

И Леопард с Эфиопом отпустили Жирафа и Зебру; и Зебра тут же отпрыгнула в колючие кусты, чья тень ложилась на землю полосками, а Жираф отскочил под высокие деревья, которые отбрасывали пятнистую тень.

— А теперь смотрите, — хором сказали Зебра и Жираф. — Вот как мы это делаем. Раз, два, три! Ну, и где ваш завтрак?

Леопард во все глаза глядел туда, куда отпрыгнула Зебра, а Эфиоп — туда, куда отскочил Жираф, но ни Зебры, ни Жирафа они не видели, а видели они только тенистый-претенистый лес, с полосатыми тенями и пятнистыми тенями — тот самый лес, где так ловко спрятались и Жираф, и Зебра.

— Ничего себе! — воскликнул Эфиоп. — Надо бы и нам выучиться этому фокусу. Учись, Леопард, а то торчишь, как кусок мыла в ведёрке с углём!

— На себя посмотри, — пробурчал Леопард. — Сам, между прочим, желтеешь тут, как горчичник на мешке угольщика!

— Сколько ни обзывайся, а есть всё равно хочется, — рассудил Эфиоп. — Мы с тобой чересчур заметны на фоне окружающей среды, это яснее ясного. Так что я, пожалуй, последую совету Павиана. Он сказал, что мне пора измениться; а поскольку менять мне нечего, кроме кожи, ею и займусь.

Леопард ушам своим не поверил:

— На что же ты её собрался менять?!

— На черновато-коричневатую, с лёгким багрянцем и отблеском синевы. Красиво и практично: кто хочет залечь в ложбинке или за деревом, тому такая кожа придётся в самый раз!

И Эфиоп — раз-два! — взял да и сменил свою кожу, и Леопард изумился ещё сильнее: он никогда прежде такого не видел.

— А как же я? — спросил он, когда Эфиоп вдел последний мизинчик в новенькую блестящую чёрную кожу.

— Тебе бы тоже не мешало послушаться Павиана. Он же посоветовал тебе линять.

— А я что? — возмутился Леопард. — Я так и сделал. Слил быстро сюда, причём вместе с тобой. И много мне от этого пользы?

— О-хо-хонюшки, — вздохнул Эфиоп. — Павиан совсем не о том говорил. Он не велел тебе носиться как угорелому по всей Южной Африке. Он всего лишь сказал, что надо полинять. Стать пятнистым, понимаешь?

— Это ещё зачем?

— А вот возьмём, к примеру, Жирафа, — сказал Эфиоп. — Или, если ты предпочитаешь полоски, возьмём Зебру. Ты заметил, как вся эта пятнистость и полосатость полезна для их здоровья?

— М-да, — задумался Леопард. — Всё равно не хочу быть похожим на Зебру, ни за что на свете!

— Ну решай, — пожал плечами Эфиоп. — Мне нравится с тобой охотиться, но если ты твёрдо намерен красоваться тут как подсолнух у просмолённого забора — тогда что ж, прощай, мне будет тебя не хватать.

— Ладно, — вздохнул Леопард. — Тогда пусть пятна. Только, пожалуйста, маленькие, аккуратные. Не желаю походить на Жирафа — ни за что и никогда!

— Я тебя легонько запятнаю, — успокоил его Эфиоп, — кончиками пальцев. На них видишь сколько

ещё чёрной краски осталось? Пстой-ка Эфиоп сложил пальцы щепоткой (на них ещё оставалось полным-полно чёрной краски) и прижал к боку Леопарда, и к другому боку, и к спине, и ещё раз, и ещё, и ещё — и всякий раз, прикасаясь к Леопарду, он оставлял на нём пять крошечных чёрных пятнышек, точно пять лепестков. Глянь на любого Леопарда, моя радость, — и ты сразу их увидишь. Иногда пятнышки получались слегка смазанными — это там, где у Эфиопа дрогнула рука; но если взглядеться, то хорошо заметно, что их всегда пять — пять отпечатков, оставленных кончиками толстых чёрных пальцев.

— Вот теперь ты красавчик! — сказал Эфиоп. — На голой земле ты будешь точь-в-точь как гряда камней, на гряде камней — как пёстрый валун, на ветке — как солнечный свет, пробивающийся сквозь листву, а на тропинке тебя вообще никто не заметит. Вот это жизнь, да? Только представь — и сразу замурлычешь от радости! А это Леопард и Эфиоп, которые уже последовали совету мудрого Павлиана: Леопард обзавёлся пятнами, а Эфиоп — новой кожей. Эфиоп стал чёрным,

поэтому его звали Самбо, а Леопарда прозвали Пятнистым, и это имя он с тех пор и носил. На картинке Эфиоп и Леопард охотятся в пятнисто-крапчатом лесу: они сидят в засаде, высматривая господина Раз-Два-Три-Ну-И-Где-Ваш-Завтрак, и его тоже можно увидеть на картинке, если хорошенько взглядеться. Эфиоп прячется под деревом, ствол которого как раз под цвет его кожи, а пятнистый Леопард залёг на крапчатой гряде камней. А господин Раз-Два-Три-Ну-И-Где-Ваш-Завтрак спокойно объедает листья с верхних веток. Так что это не просто картинка, а Картинка-Головоломка, из тех, где надо отыскать кошку или ещё кого-нибудь. — Тогда почему ты сам не стал пятнистым? — спросил Леопард.

— Нам, чёрным, больше пристал простой чёрный цвет, — сказал Эфиоп. — А теперь пойдём-ка поглядим, как там поживают господа Раз-Два-Три-Ну-И-Где-Ваш-Завтрак? И с тех пор, моя радость, зажили они — лучше некуда. Вот и сказке конец.

Ах да, и ещё. Ты наверняка слышал, как взрослые говорят: «Разве может Эфиоп переменить свою кожу, а Леопард — свои пятна?» Так вот: нету дыма без огня. Взрослые, конечно, мастера говорить глупости, но вряд ли им пришло бы в голову так упорно повторять эту глупость, если бы Эфиоп с Леопардом и впрямь однажды не сделали того, что сделали. Но больше, моя радость, они этого не сделают, я тебя уверяю. Им и так хорошо.